АННАБЕЛЬ МАРКУХИНА

А кто спросил, чего хотела я?

Аннабель Маркухина

«А КТО СПРОСИЛ, ЧЕГО ХОТЕЛА Я?»

«Автор»
2026

Маркухина А.

«А КТО СПРОСИЛ, ЧЕГО ХОТЕЛА Я?» / А. Маркухина — «Автор», 2026

Валентине пятьдесят четыре. За плечами уже тридцать три года брака, двое взрослых детей, любимый внук и целая жизнь, которую окружающие назвали бы вполне счастливой.Она хорошая жена и мать, любящая бабушка. Знает, какой торт предпочитает муж, когда нужно помочь дочери и что приготовить к семейному ужину.Но однажды выясняется, что за всеми этими заботами она почти забыла, чего хочет сама.И дело вовсе не в том, что она не любит свою семью. Любит. Просто за долгие годы она научилась быть нужной всем, кроме самой себя.Впереди её ждут непростые разговоры, воспоминания, неожиданные открытия и вопросы, на которые не всегда хочется отвечать.Можно ли спустя тридцать три года брака заново узнать человека, с которым делишь постель? Можно ли перестать быть удобной, не перестав быть любящей? И не слишком ли поздно в пятьдесят четыре года исполнить обещание, данное себе в семнадцать?Этот роман о том, как однажды обнаружить, что твоя собственная жизнь ещё продолжается.

© Маркухина А., 2026
© Автор, 2026

Аннабель Маркухина
«А КТО СПРОСИЛ, ЧЕГО ХОТЕЛА Я?»

Глава 1

Глава первая. Пятьдесят четыре

Валентина проснулась в шесть часов семнадцать минут.

Будильник должен был зазвонить через три минуты, но за последние двадцать лет она так и не научилась спать до звонка. Даже по воскресеньям, когда можно было никуда не торопиться, глаза открывались сами собой – словно где-то внутри неё продолжал работать невидимый механизм, которому было совершенно безразлично, устала хозяйка или нет. Она полежала немного, прислушиваясь к дыханию мужа.

Сергей спал на спине, слегка приоткрыв рот. За ночь он снова перетянул одеяло на свою сторону. Валентина осторожно потянула край, но тот застрял под его плечом.

– Ну и спи, – пробормотала она.

В спальне было прохладно. Октябрь в этом году выдался особенно промозглым, а батареи грели так, словно коммунальщики выдавали тепло из собственного кармана. Валентина нащупала ногами тапочки, накинула халат и подошла к окну.

Во дворе дворник сгребал мокрые листья. Возле подъезда стояла знакомая белая «Лада», на которой сосед с третьего этажа каждое утро отвозил жену на работу. Из соседнего дома вышла женщина с маленькой собачкой в розовом комбинезоне.

Всё было как всегда, не считая одной детали. Сегодня Валентине исполнялось пятьдесят четыре года.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Странное дело. В молодости ей казалось, что женщины после пятидесяти принадлежат к какой-то совершенно отдельной породе людей. Они носят удобную обувь, обсуждают давление, собирают баночки из-под сметаны и непременно знают, как правильно солить огурцы.

И вот теперь Валентина сама хранила баночки в нижнем ящике кухни, покупала обувь исключительно с мягкой стелькой (ну это же реально удобно и ни на какую новомодную стельку она это менять не собиралась) и могла с закрытыми глазами приготовить маринад на трёхлитровую банку.

Но внутри по-прежнему чувствовала себя той же Валей, которая однажды сбежала с последнего урока, чтобы пойти с подружкой в кино.

Разве что теперь за такое пришлось бы самой себе писать объяснительную и выяснять не сошла ли ты с ума.

Она усмехнулась и отправилась на кухню.

Плита включилась со второго раза. А чайник был уже такой старый, с потёртой от открывания и закрывания крышкой. Сергей обещал купить новый ещё в августе, но всякий раз находились дела поважнее. А Вале было без разницы и на маркетплейсе она новый сама так и не выбрала.

Валентина достала из холодильника масло, сыр и вчерашнюю колбасу. Отрезала два ломтика хлеба, положила на тарелку, потом задумалась и убрала один обратно.

Есть не хотелось.

Телефон коротко завибрировал.

На экране высветилось сообщение от Марины.

«Мамочка, с днём рождения! Желаю тебе здоровья, счастья и чтобы ты у нас никогда не болела! Мы тебя очень любим! Вечером приедем. И хотела спросить: ты завтра свободна? Нам с Димой нужно уехать, Артёма не с кем оставить».

Валентина прочитала сообщение дважды.

Сначала улыбнулась. Потом посмотрела на настенный календарь.

Завтра было воскресенье. На воскресенье у неё имелись планы. Самые настоящие планы, которые она строила почти целую неделю.

Людмила позвала её на выставку живописи в областной музей. Привезли работы художников прошлого века, и Валентина даже нашла в интернете фотографии нескольких картин. Они договорились встретиться у входа в двенадцать, потом сходить куда-нибудь выпить кофе.

Она уже представляла этот день.

Никакой готовки и продуктовых магазинов. А еще долой все разговоры о ценах, болезнях, школьных оценках и том, кто кому что должен.

Просто музей, кофе и два часа с подругой. Валентина открыла переписку с дочерью.

«Мариш, у меня завтра…»

Она остановилась. Перечитала начало предложения и стёрла написанное.

Артёму пять лет. В таком возрасте ребёнка одного не оставишь. Марина работает всю неделю. Дима тоже. Конечно, им хочется куда-то выбраться. Да и что такого особенного в этой выставке? Картины никуда не денутся.

«Конечно, доченька. Привозите. Во сколько?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Спасибо, мамуль! Ты нас всегда выручаешь! Часам к одиннадцати».

Валентина положила телефон экраном вниз. Почему-то настроение испортилось.

Она сердито намазала масло на хлеб, хотя минуту назад собиралась съесть его без масла, и налила себе чай.

– Чего такая хмурая?

В дверях стоял Сергей.

В растянутой футболке, с помятым лицом и волосами, торчащими во все стороны.

– Нормальная я.

– А чего вздыхаешь?

– Просто так.

Он подошёл к холодильнику, заглянул внутрь.

– Слушай, а яйца есть?

– На дверце же, ну ты чего.

– А колбаса?

– Перед тобой.

– А хлеб?

Валентина медленно повернула голову.

– Серёж, мы тридцать три года женаты. Ты за это время мог бы уже запомнить, где у нас лежит хлеб.

Муж удивлённо посмотрел на неё.

– Чего ты с утра завелась?

Она хотела ответить, но передумала.

Действительно, чего?

Человек просто спросил про хлеб.

– Ничего. У меня же день рождения сегодня.

Сергей замер с открытой дверцей холодильника.

На несколько секунд кухня погрузилась в полную тишину.

– Тьфу ты, господи! – наконец произнёс он. – Валюша, ну с днём рождения!

Он закрыл холодильник, подошёл и поцеловал её в щёку.

– Я помнил, между прочим. Просто спросонья из головы вылетело.

– Знаю.

– Вечером торт куплю.

– Хорошо.

– Какой хочешь?

Валентина пожала плечами.

– Какой-нибудь.

– Ну вот опять. Я спрашиваю, какой тебе взять.

Она посмотрела на мужа.

Ей вдруг захотелось сказать, что она любит медовик. Что всегда любила медовик, особенно с тонкими коржами и не слишком сладким кремом. Что последние семь лет на её день рождения они покупали шоколадный торт, потому что Сергей не любил мёд, а Марина считала, что медовики слишком сухие.

Но вместо этого она ответила:

– Бери шоколадный. Все его едят.

Сергей удовлетворённо кивнул.

– Вот и договорились.

И пошёл умываться.

Валентина осталась у стола с чашкой давно остывшего чая.

Она смотрела на дверной проём и думала о том, какая странная всё-таки штука семейная жизнь.

Никто ничего у неё не отнимал.

Она сама всё отдавала.

И даже не замечала, когда перестала оставлять что-нибудь себе.

К одиннадцати утра Валентина успела пропылесосить квартиру, протереть пыль, поставить вариться картошку для салата и дважды поговорить по телефону.

Первой позвонила старшая сестра.

– Валюшка, с днём рождения тебя! Здоровья тебе прежде всего. Остальное наживное.

–Спасибо, Танюш.

– Что делать собираешься?

– Да ничего особенного. Дети вечером придут, посидим.

– А Серёжа что подарил?

– Пока ничего.

– Ну, ещё подарит. Слушай, у тебя номер сантехника не сохранился? Который вам кран менял.

Валентина нашла номер и продиктовала.

Таня поблагодарила, ещё раз пожелала здоровья и положила трубку.

Вторым позвонил сын Андрей.

Судя по шуму, он находился в машине.

– Мамуль, привет! С днюхой тебя!

– Спасибо, сынок.

–Как дела? Как здоровье?

– Нормально всё. Ты вечером приедешь?

– Мам, я вот как раз хотел сказать. Не получается сегодня. У нас тут с ребятами одно дело, давно договаривались. Ты не обижайся, ладно? Я на неделе заскочу, подарок завезу.

– Да какие обиды, Андрей. Конечно, занимайся своими делами.

– Всё, мам, люблю тебя! Пока!

И связь оборвалась.

Валентина ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

Андрею было двадцать семь. Хороший мальчик вырос. Работящий, самостоятельный. Никогда ни у кого ничего не просил, если мог справиться сам.

Она гордилась им.

И всё же иногда ей хотелось, чтобы он позвонил просто так. Не на бегу, не между двумя встречами, не потому, что наступил день рождения.

Чтобы спросил, как у неё дела, и выслушал ответ.

Не привычное «нормально», а то как её дела на самом деле.

Хотя какой настоящий ответ она могла ему дать?

Что утром отказалась от выставки и теперь почему-то чувствует внутри от этого некую грусть?

Глупости.

У детей своя жизнь. Так и должно быть. Она сама этого хотела.

Валентина убрала телефон в карман халата и вернулась к салату.

Картошка успела остыть, да и морковь тоже. Осталось нарезать огурцы, яйца и колбасу.

Она взяла нож и машинально принялась за работу.

В детстве мать говорила, что хорошую хозяйку видно по тому, как она режет овощи.

– У тебя, Валя, всё тяп-ляп. Посмотри, какие кубики получаются. Разве так можно?

Мать никогда не кричала просто так. Она вообще редко повышала голос. Но обладала удивительной способностью произносить самые обыкновенные слова таким тоном, что после них хотелось немедленно исправиться.

Валентина исправлялась.

Сначала училась ровно резать картошку.

Потом правильно гладить рубашки, не оставляя складок на рукавах и мыть полы, не забывая протирать плинтусы. А еще готовить борщ, чтобы Сергей не сравнивал его с материнским.

Валентина научилась быть хорошей женой, матерью, дочерью. Но каждый раз находилось что-нибудь, что можно было сделать лучше.

Валентина посмотрела на аккуратные кубики картошки. Мать осталась бы довольна.

Эта мысль вызвала неожиданную улыбку.

Мамы не было уже четыре года, а Валентина до сих пор иногда мысленно отчитывалась перед ней.

«Мам, я окна помыла». «Мам, Андрей работу поменял». «Мам, представляешь, Марина опять с Димой поругалась».

Раньше она звонила ей почти каждый вечер. Иногда разговор занимал две минуты, иногда сорок. Мать жаловалась на соседей, обсуждала передачи по телевизору, спрашивала, почему Валентина редко приезжает.

В последние годы они часто ссорились. Из-за пустяков.

Из-за того, что Валентина неправильно одевалась, слишком много работала, позволяла детям слишком многое.

А теперь она отдала бы что угодно, лишь бы услышать ещё хоть одно замечание. Пусть даже про криво нарезанную картошку.

– Мам, – тихо произнесла Валентина в пустоту, – ну вот чего ты такая была?

Она усмехнулась.

И вдруг поняла, что никогда не задавала матери другого вопроса. Какой та была до того, как стала её мамой? О чём мечтала в семнадцать лет? Кого любила? Чего боялась? Была ли счастлива?

Они прожили рядом столько лет, обсуждали всё на свете, но Валентина почти ничего не знала о матери как о женщине.

Она знала, сколько сахара та кладёт в чай, как лечит простуду и почему не любит соседку Зинаиду.

Но не знала, жалела ли мать о чём-нибудь в своей жизни.

Валентина медленно опустила нож на разделочную доску. Странно.

Она никогда об этом не думала.

И ещё страннее было осознавать, что Марина, наверное, точно так же ничего не знает о ней. Дочь знала, что мама всегда поможет с Артёмом, приготовит любимые котлеты и выслушает жалобы на мужа.

Но знала ли Марина, что в семнадцать лет Валентина собиралась поступать в художественное училище? Что рисовала ночами, пряча альбомы под матрасом? Что когда-то мечтала уехать в Ленинград, снять комнату под самой крышей старого дома и писать картины возле огромного окна?

Валентина закрыла глаза и тихо произнесла.

– Ленинград.

Как давно она не произносила это слово вслух.

И вдруг перед ней совершенно отчётливо возникла юная девушка в школьном платье, с длинной русой косой, запачканными краской пальцами и огромной уверенностью в том, что впереди её ждёт необыкновенная жизнь.

Девчонка смотрела на неё из далёкого 1989 года.

И Валентине почему-то стало стыдно.

Не за прожитые годы и не за мужа, детей и всю свою обычную жизнь. А за то, что она так давно не вспоминала эту девочку.

Будто та никогда и не существовала.

В коридоре зазвонил телефон. Валентина открыла глаза, вытерла руки полотенцем и пошла отвечать.

На экране высветилось: «Люда».

– Ну что, именинница, – раздался знакомый голос, – поздравлять тебя можно или ты уже с утра весь мир спасла?

– Почти, – улыбнулась Валентина.

– Тогда слушай внимательно. Завтра в двенадцать у музея. Я билеты посмотрела, выставка отличная.

Валентина помолчала.

– Люд, я не смогу.

– Почему?

– Артёма привезут.

На другом конце провода повисла тишина.

– Валя, – наконец произнесла Людмила, – а когда ты последний раз делала что-нибудь просто потому, что тебе этого хотелось?

Валентина хотела возмутиться. Сказать, что у взрослого человека есть обязанности. Да и семья важнее каких-то картин. Что невозможно жить только для себя. Но почему-то не сказала ничего.

Потому что не смогла вспомнить ответ.

– Валя, ты меня слышишь?

– Слышу, Люд, слышу.

– Тогда чего молчишь?

Валентина прислонилась плечом к дверному косяку.

– А что я должна тебе сказать? Что брошу пятилетнего ребёнка ради выставки?

– Господи, Валентина! Ты иногда как скажешь, так хоть стой, хоть падай. Кто тебе предлагает ребёнка бросать? У Артёма, между прочим, двое родителей.

– У них планы.

– А у тебя, значит, не планы?

Валентина раздражённо выдохнула.

– Люда, ну чего ты прицепилась? Я сама согласилась. Никто меня не заставлял.

– Вот именно, Валя. Сама. Как всегда.

– Слушай, мне некогда. У меня салат недоделанный, ещё стол накрывать.

– Ну так доделывай. Только ответь мне на один вопрос.

– Какой ещё?

– Ты хоть кому-нибудь сказала, что завтра собиралась со мной?

Валентина молчала.

– Понятно, – протянула Людмила. – Ладно, не буду тебе настроение портить. С днём рождения, подруга.

– Спасибо.

– И всё-таки подумай. Выставка до конца месяца идёт. Если завтра не получится, можем в следующую субботу.

– Посмотрим.

– Вот только не надо твоего «посмотрим». Ты так двадцать лет смотришь.

Людмила отключилась. Валентина ещё несколько секунд стояла с телефоном в руке.

Вот ведь характер у человека. Обязательно нужно сказать последнее слово. Вечно лезет со своими советами, будто лучше всех знает, кому как жить.

Она вернулась на кухню, положила телефон на подоконник и снова взялась за нож.

Огурцы никак не хотели резаться ровно. Один попался слишком мягкий, другой развалился пополам.

– Тьфу ты, – пробормотала она.

И выбросила испорченный кусочек, а после достала новый.

«Ты хоть кому-нибудь сказала, что завтра собиралась со мной?»

Конечно, не сказала. А зачем?

Сергей наверняка поинтересовался бы, сколько стоит билет. Марина могла расстроиться, что не с кем оставить Артёма. Андрей вообще вряд ли понял бы, зачем матери понадобилось ехать через весь город смотреть на какие-то картины.

Хотя, может, и понял бы.

Валентина задумалась. Она ведь даже не пыталась им объяснить. Сама придумала, что скажут остальные и сама где-то внутри на них обиделась. Вот так и отказалась от поездки. И

теперь стояла на кухне с ножом в руках, злилась на совершенно ни в чём не повинный огурец и считала себя обделённой.

От этой мысли ей стало неловко.

– Ну и дура, Валя, – сказала она вслух.
– Чего?

На кухню заглянул Сергей.
– Ничего. Сама с собой разговариваю.
– А-а. Слушай, я в магазин собираюсь. Что купить?
– Майонез возьми. И хлеба свежего. И огурцов маринованных банку, а то последние дорезаю.

Сергей достал телефон.
– Сейчас запишу.
– А ты без телефона три продукта запомнить не можешь?
– Валя, — он поднял глаза, — ты сегодня какая-то не такая. Я тебе что, плохого сделал?

Она посмотрела на мужа.

И вдруг поняла, что он действительно не понимает. Не притворяется и не издевается. Просто стоит посреди кухни, собирается в магазин и искренне удивляется, почему жена с самого утра недовольна.

– Нет, Серёж. Ничего плохого ты не сделал.
– Ну и хорошо.

Он сунул телефон в карман.
– Майонез, хлеб, огурцы. Всё?
– Всё.
– Торт вечером возьму, не забыл.

Она кивнула. Сергей подошёл, привычно потрепал её по плечу и вышел.

Валентина посмотрела ему вслед. Тридцать три года. Иногда ей казалось, что за это время они научились понимать друг друга без слов. А иногда, что именно поэтому они окончательно разучились разговаривать по душам и быть в диалоге друг с другом.

К четырём часам квартира пахла жареной курицей, свежими огурцами и ванилью.

Валентина успела приготовить два салата, запечь картошку, достать из морозилки домашние пельмени на всякий случай и ещё раз протереть стол, хотя тот и без того был чистым.

Сергей вернулся из магазина с двумя тяжёлыми пакетами.

– Валюнь, глянь, какой торт нашёл!

Он торжественно поставил на стол большую пластиковую коробку.

На шоколадной глазури красовались две кремовые розы, а посередине золотыми буквами было выведено: «С юбилеем!»

Валентина рассмеялась.

– Серёж, мне пятьдесят четыре!

– Ну и что? Валюш, других надписей не было. Зато красивый.
– У меня юбилей только через год.
— А ты считай, что заранее поздравил. В следующем году сэкономим.

Он довольно улыбнулся собственной шутке. Валентина открыла коробку.

Торт был шоколадный. С шоколадными коржами, шоколадным кремом и шоколадной крошкой по бокам.

Она посмотрела на него и почему-то вспомнила медовик, который когда-то пекла её мама. Тот самый, с тонкими коржами, которые раскатывались прямо на перевёрнутом противне. Мать смазывала их сметанным кремом, а обрезки измельчала скалкой и посыпала ими торт сверху.

Валентина в детстве всегда выпрашивала самый неровный кусочек, потому что на нём оставалось больше крема.

– Валь, ну чего застыла? – спросил Сергей.
– Да так. Мамин медовик вспомнила.
– А-а. Вкусный был, кстати.

Она удивлённо подняла глаза.

– Тебе же медовики не нравятся.
– Покупные не нравятся. А у тёщи хороший получался.

Валентина посмотрела на мужа.

Тридцать три года она считала, что Сергей не любит медовик.

А он, оказывается, не любил только покупной.

– Что ж ты раньше не говорил?
– А ты спрашивала?

Валентина хотела ответить, но промолчала.

Сергей тем временем достал из пакета бутылку шампанского.

– Ну всё, именинница, сегодня гуляем!

И отправился в комнату включать телевизор.

Марина приехала в половине шестого.

В прихожей сразу стало тесно от пакетов, детских ботинок и громких голосов.

– Мамочка, с днём рождения!

Дочь обняла Валентину, поцеловала в обе щёки и протянула большой букет хризантем.

– Это тебе! Мы с Димой выбирали.
– Какие красивые, Мариш. Спасибо, родная.
– Ба-а-абушка! - Артём выскочил из-за материнской спины и с разбегу обхватил Валентину за ноги. – Бабушка, я тебе подарок сделал!

Он сунул ей сложенный вчетверо альбомный лист.

На рисунке была изображена высокая женщина с огромной круглой головой, шестью пальцами на одной руке и чем-то похожим на метлу в другой.

– Это я? – спросила Валентина.
– Ты!

– А чего у меня рука такая длинная?
– Это ты торт держишь!
– А-а, – серьёзно произнесла она. – Теперь понятно.

Артём довольно засмеялся. Валентина присела, крепко обняла внука и поцеловала в макушку.

От него пахло детским шампунем и морозным воздухом.

Вот оно, счастье, подумала она. Самое обыкновенное и такое родное. Тёплое, шумное, с шестью пальцами на одной руке.

И стало даже стыдно за утренние мысли.

Разве может человек, у которого есть такая семья, жаловаться на жизнь?

– Мам, а ты чего столько наготовила? – спросила Марина, проходя на кухню. – Мы же ненадолго.
– Как ненадолго?
– Ну, Диме завтра рано вставать. Часика два посидим.
Валентина улыбнулась.
– Конечно, доченька. Как вам удобно.
Марина остановилась возле стола.
– Ой, оливье! Давно не ела. Мам, а ты с колбасой сделала?
– С колбасой.
– А я теперь с курицей больше люблю. Полегче получается.
– Ну, в следующий раз с курицей сделаю.
– Да нет, мам, я просто говорю.
Марина сняла куртку и огляделась.
– А Андрей где?
– Не приедет. У него дела.
– Понятно. Как всегда.
– Марин, ну не начинай. Он взрослый человек.
– Мам, ему двадцать семь, а не семьдесят. Мог бы и приехать к матери на день рождения.

Валентина ничего не ответила. Странно было слышать эти слова от дочери, которая сама собиралась уехать через два часа. Но говорить об этом не хотелось. Сегодня у неё был день рождения.

За столом Сергей рассказывал о работе. Дима жаловался на цены на бензин. Марина обсуждала воспитательницу в детском саду, которая, по её мнению, слишком часто делала детям замечания. Артём ел картошку руками и требовал включить мультфильмы.

Валентина подкладывала всем салат, подавала хлеб, меняла тарелки, вытирала пролитый сок.

– Мам, сядь уже, – сказала Марина.
– Да я сижу.
– Ты за весь вечер ни минуты спокойно не посидела.
– Сейчас, только горячее достану.

Она принесла курицу, разложила по тарелкам и наконец опустилась на стул. Сергей разлил шампанское.

– Ну что, – произнёс он, поднимаясь, – давайте за нашу Валентину!

Все взяли бокалы.

– Чтобы здоровая была, – продолжил Сергей. – Чтобы не болела, не нервничала. Чтобы у нас всё хорошо было.

– И чтобы долго жила! – добавил Артём, поднимая стакан с соком.

Все рассмеялись. Валентина тоже. Сергей поцеловал её в висок.

– Ну, будь счастлива, Валюша.

Она улыбнулась.

– Спасибо.

И вдруг поймала себя на странной мысли. За весь вечер ей пожелали здоровья, терпения, спокойствия, долгих лет жизни. Но никто не спросил, чего ей самой хотелось бы в эти долгие годы. Впрочем, она уже и сама, наверное, не знала.

В целом, вечер прошел отлично и приятно.

Когда гости уехали, было почти девять.

Сергей помог убрать со стола, сложил грязную посуду возле раковины и отправился смотреть новости.

Валентина осталась на кухне. Она включила воду, выдавила на губку средство и принялась отмывать тарелки.

На подоконнике лежал рисунок Артёма. Валентина взяла его мокрыми руками, осторожно расправила и присмотрелась. Шесть пальцев, огромная голова. И совершенно невероятные, ярко-зелёные глаза.

– Художник растёт, – улыбнулась она.

Потом замерла. Художник. Произнесла она в своей голове. Да уж, давно она не произносила это слово применительно к кому-нибудь из своей семьи.

Марина в детстве тоже любила рисовать. Но потом пошли танцы, английский, подготовка к школе.

Андрей однажды попросил купить ему краски, но Валентина тогда была занята, а через несколько дней он уже увлёкся машинками. Интересно, подумала она, остались ли где-нибудь её собственные рисунки? Те, школьные. С натюрмортами, городскими улицами и выдуманными людьми. Наверное, нет.

После свадьбы они с Сергеем трижды переезжали. Потом появился первый ребёнок, потом второй. Какие уж тут старые альбомы. Она аккуратно положила рисунок внука на холодильник, закрепив его магнитом.

В соседней комнате громко заговорил телевизор.

– Валь! – позвал Сергей.

– Чего?

– Рубашка моя голубая чистая?

Она закрыла глаза. Секунду стояла неподвижно, держа в руках мокрую губку.

Потом открыла кран, смыла пену и ответила:

– В шкафу, Серёж.
– А где именно?

Валентина посмотрела на свои руки. Пальцы немного распухли от горячей воды. На указательном оставался маленький шрам – лет двадцать назад она порезалась, когда в спешке готовила ужин.

Вдруг ей вспомнились другие руки. Молодые, тонкие, с коротко остриженными ногтями. Всегда испачканные краской. Она не смогла вспомнить, когда в последний раз держала кисточку.

– Валя! Ты слышишь?
– Слышу!

Она выключила воду.
– В шкафу, на второй полке. Справа.
–Нашёл!

Валентина вытерла руки полотенцем и подошла к окну. За стеклом моросил мелкий октябрьский дождь. Во дворе светил одинокий фонарь, а на мокром асфальте блестели опавшие листья. Где-то там, за домами, магазинами, дорогами, продолжалась огромная жизнь. Люди влюблялись, разводились, переезжали в другие города, начинали учиться, осваивали новые профессии. А она стояла у окна собственной кухни и пыталась вспомнить, в каком году перестала рисовать.

Наверное, после свадьбы или после рождения Марины, а может, ещё раньше.

Валентина провела пальцем по запотевшему стеклу. Нарисовала маленький круг. Потом второй. Несколько линий и получилась смешная рожица. Точь-в-точь как когда-то на полях школьных тетрадей. Она улыбнулась. И вдруг ей отчаянно захотелось найти хотя бы один свой старый рисунок.

Не показать кому-нибудь и не похвастаться. А просто убедиться, что всё это действительно было. Что когда-то существовала девочка по имени Валя, которая мечтала стать художницей. И что она не выдумала её сейчас, стоя у кухонного окна в пятьдесят четыре года.

Валентина ещё немного постояла у окна.

Нарисованная на стекле рожица постепенно исчезала. Капельки воды соединялись, стекали вниз, и через минуту от её маленького художества осталось только мутное пятно.

–Валь, ты спать собираешься? – донеслось из комнаты.
– Сейчас!

Она вернулась к раковине, вымыла последнюю тарелку и поставила её сушиться. На часах уже было без четверти одиннадцать.

Сергей уже лежал в постели, подложив под спину две подушки. Телевизор негромко бормотал что-то про очередное повышение цен. На тумбочке стоял недопитый чай, а рядом лежали очки, которые муж каждое утро искал по всей квартире.

– Всё убрала? – спросил он.
– Всё.
– Ну и молодец. Иди ложись.

Валентина присела на край кровати.
–Серёж, а ты помнишь, как мы познакомились?
Он повернул голову.
– Чего это тебя на ночь глядя потянуло?
– Просто спросила.
– Конечно, помню. На танцах.
– Не на танцах.
– А где?
– У Люды на дне рождения.

Сергей задумался.
– Точно. У Людки. А танцы потом были.
– Потом.

Она улыбнулась.
– Ты тогда ещё рубашку белую надел. С короткими рукавами.
– Ну?
– И всё время воротник поправлял.

– Жарко было.
– В октябре?
– Валь, тридцать с лишним лет прошло. Может, мне жарко было от любви.

Она рассмеялась. Сергей довольно улыбнулся и снова повернулся к телевизору.

– А помнишь, ты меня тогда до дома провожал?
– Помню.
– И мы возле подъезда почти два часа простояли.
– Ну, молодые были. Чего ещё делать?

Валентина помолчала.
–Ты мне тогда сказал, что я необычная.
– Ну так и есть.
– А чем необычная?

Сергей посмотрел на неё с некоторым недоумением.
– Валя, ну откуда я сейчас вспомню, что там наговорил тридцать три года назад?
– Просто интересно.
– Красивая была, такая весёлая. А волосы какие длинные, да и глаза красивые.
– А сейчас?
– Что сейчас?
– Сейчас красивая?

Он опустил пульт.
– Валь, ты чего сегодня? Конечно, красивая.
– Ясно.
– Ну что тебе ясно? Я же сказал, красивая.

Она наклонилась и поцеловала мужа в щёку.

– Спокойной ночи, Серёж.
– Спокойной.

Сергей выключил телевизор, повернулся на бок и почти сразу уснул. Валентина лежала рядом, глядя в потолок.

Она вовсе не собиралась устраивать мужу проверку на внимательность. Ей просто захотелось вспомнить, какими они были раньше. И не только они. Ей хотелось вспомнить себя.

Ту Валю, которая смеялась так громко, что Людмила постоянно толкала её локтем. Которая могла полчаса выбирать заколку перед свиданием и обижалась на Сергея за опоздание на десять минут, а потом не разговаривала с ним до самого дома.

Валентина тихонько усмехнулась. Вот ведь характер был. Хотя почему был? Марина до сих пор говорила, что спорить с матерью бесполезно.

Только раньше Валентина спорила обо всём подряд, а теперь почему-то преимущественно о том, кому выносить мусор и почему Сергей опять оставил мокрое полотенце на кровати.

Она перевернулась на другой бок. На часах светилось 23:18. Завтра приедет Артём. Нужно будет с утра сходить за молоком, достать из морозилки фарш, придумать, чем занять ребёнка.

Может, испечь блины. Артём любит блины. Она закрыла глаза.

«А когда ты последний раз делала что-нибудь просто потому, что тебе этого хотелось?»

Опять Людмила со своими вопросами. Валентина натянула одеяло до подбородка. Спать.

Завтра полно дел.

В половине третьего ночи она проснулась от холода. Сергей снова забрал почти всё одеяло. Валентина попыталась потянуть его на себя, но муж недовольно заворчал и перевернулся, окончательно завернувшись в ткань.

– Ну и пожалуйста, – шепнула она.

Она встала, нашарила тапочки и пошла в коридор.

Запасное одеяло хранилось на верхней полке большого шкафа. Там же лежало всё, что не находило места в остальной квартире: зимние шарфы, старые сумки, коробка с ёлочными игрушками и несколько пакетов, которые Сергей регулярно предлагал выбросить. Валентина принесла из кухни табуретку.

– Господи, когда ж мы шкаф нормальный купим, – пробормотала она, забираясь наверх.

Одеяло было задвинуто в самый угол. Она потянула его за край и случайно задела стоявшую рядом коробку.

Та покачнулась. Валентина попыталась придержать её, но не успела. Коробка с глухим стуком упала на пол.

– Да что ж такое!

Она спустилась с табуретки и присела на корточки. На полу лежали старые фотографии, какие-то бумаги, пожелтевшие открытки, несколько значков и тонкая школьная тетрадь в синей обложке.

Валентина взяла ближайшую фотографию. На ней была молодая девушка с длинной русой косой. Она стояла возле деревянного забора, прижимая к груди букет полевых цветов.

На обороте аккуратным почерком было написано: «Лето 1988 года. Мне шестнадцать».

– Надо же, – прошептала Валентина. Она почти не узнала себя.

Вернее, узнала сразу. Но никак не могла совместить эту девочку с женщиной, которая сейчас сидела на полу в старой ночной рубашке. Какая худая была, а волосы то, какие волосы. И взгляд совершенно другой.

Словно человек на фотографии точно знал, что впереди его ждёт что-то прекрасное. Валентина перевернула ещё несколько снимков. Вот они с Людмилой сидят на лавочке возле школы, а вот тут выпускной вечер. На Валентине светлое платье, которое мать сшила сама. На голове какая-то невероятная причёска с начёсом. А здесь вообще Сергей, ещё совсем мальчишка, стоит возле старого мотоцикла.

Она невольно засмеялась.

– Господи, Серёжа, ну и модник же ты был.

На фотографии мужу было года двадцать три. Он стоял в джинсовой куртке, с густыми волосами, зачёсанными назад, и улыбался так широко, будто выиграл в лотерею.

Валентина вспомнила этот мотоцикл. Сергей тогда возился с ним каждую свободную минуту. Они ездили за город, возвращались поздно, иногда попадали под дождь. Она обнимала его за пояс, прижималась щекой к спине и кричала, чтобы он ехал помедленнее. А он смеялся и всегда ехал чуть быстрее.

Валентина положила фотографию на колени. Хорошее было время. Разве она была несчастна? Нет. И сейчас несчастной себя назвать не могла. Сергей не пил, не гулял, зарплату приносил домой. Детей вырастили и квартиру купили, в путешествия семьей ездили. Всё, что могли, сделали.

Жили как люди. Тогда почему последние месяцы её всё чаще посещало странное чувство, будто она что-то потеряла?

Она отложила фотографию и подняла синюю тетрадь. На обложке сохранилась наклейка с выцветшими буквами:

«Тетрадь для работ по русскому языку ученицы 10 класса…»

Фамилия была зачёркнута. Ниже крупными буквами кто-то написал:

«НЕ ОТКРЫВАТЬ!»

Валентина улыбнулась. Она прекрасно помнила эту привычку. В юности ей казалось, что достаточно написать на тетради «не открывать», чтобы мать никогда в неё не заглянула.

Мать, разумеется, заглядывала. Особенно если тетрадь лежала под подушкой. Валентина осторожно раскрыла обложку.

На первой странице было нарисовано маленькое сердечко, а рядом стояла дата.

12 сентября 1989 года.

Ниже, знакомым размашистым почерком, было написано:

«Мне семнадцать лет. И я точно знаю, какой будет моя жизнь». Валентина придвинулась к стене, вытянула ноги и продолжила читать.

«Я никогда не стану такой, как взрослые женщины, которые всё время устают, никуда не ходят и только говорят о детях, мужьях и домашних делах».

Она тихо хмыкнула.

– Ну конечно, Валечка. Куда уж тебе.

Перевернула страницу.

«Я обязательно увижу море. Научусь водить машину. Буду много путешествовать. И самое главное – стану художницей. Даже если мама говорит, что это несерьёзная профессия».

Валентина перестала улыбаться. Да, что-то из этого сбылось, а что-то так и осталось где-то далеко. Художницей она так и не стала.

Она произнесла это слово про себя. Сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз думала о художественном училище? Тридцать? Больше?

В детстве она рисовала постоянно.

На полях тетрадей, на оборотах календарей, на старых обоях, которые отец приносил с работы. Ей нравилось смешивать краски, наблюдать, как один цвет постепенно превращается в другой.

Особенно она любила рисовать лица. Мать сердилась, когда обнаруживала очередной портрет на листке с домашним заданием.

– Валя, тебе заняться больше нечем? Лучше бы математику подтянула.

А учительница рисования однажды сказала, что у неё хороший глаз и обязательно нужно попробовать поступить в художественное училище.

Валентина тогда целую неделю ходила счастливая. Представляла большие мастерские, запах красок, людей с мольбертами. Ленинград. Она мечтала именно о Ленинграде. Почему-то ей казалось, что настоящие художники непременно должны жить в старых домах, где высокие потолки, огромные окна и скрипучие деревянные полы.

Она собиралась снимать крошечную комнату под самой крышей, пить чай из большой кружки, ходить по музеям и рисовать до глубокой ночи. Смешно. Совсем ещё ребёнок.

Валентина опустила глаза к следующему абзацу.

«Когда мне исполнится пятьдесят, я обязательно буду счастливой. У меня будет красивая мастерская с большими окнами. И я никогда не перестану рисовать».

Она перечитала строчки. Потом ещё раз. За стеной тикали часы. Из спальни доносилось размеренное дыхание Сергея. Валентина провела пальцем по выцветшим буквам. Пятьдесят. Она писала об этом возрасте так, словно речь шла о какой-то далёкой стране, до которой нужно добираться много лет.

И была совершенно уверена, что знает, какой окажется там жизнь. Теперь ей было пятьдесят четыре. У неё не было мастерской, мольберта, да даже коробки с красками. Зато в шкафу лежало шесть комплектов постельного белья, четыре запасных полотенца и целая стопка документов на бытовую технику.

Валентина закрыла тетрадь. Сначала ей захотелось рассмеяться. А после этого защипало глаза.

– Господи, ну что за глупости, – прошептала она.

Она ведь прекрасно понимала, что жизнь не обязана складываться так, как мечтает семнадцатилетняя девочка. Меняются обстоятельства. Появляются люди, которых любишь.

Рождаются дети. Приходится работать, платить за квартиру, лечить зубы, покупать зимние сапоги.

Нельзя же всю жизнь бегать за своими подростковыми фантазиями. Валентина открыла тетрадь ещё раз. На полях одной из страниц был нарисован маленький домик.

У домика – большое окно. А возле окна стояла женщина с кисточкой в руке.

Под рисунком было написано:

«Мой будущий дом».

Она долго смотрела на него. Потом осторожно прикоснулась к бумаге. И впервые за много лет ей захотелось попросить прощения. У той семнадцатилетней девочки, которая когда-то так уверенно написала, что никогда не перестанет рисовать.

– Прости меня, Валечка, – тихо сказала она.

И сама испугалась своих слов. Потому что вдруг поняла: ей совершенно нечего ответить той девочке, если та спросит, почему всё получилось иначе.

Валентина просидела на полу почти до четырёх утра.

Она перечитала несколько страниц дневника, посмеялась над старыми записями, всплакнула над фотографией родителей и нашла среди бумаг засушенный цветок. Откуда он взялся, вспомнить не удалось. Может, подарил Сергей. А может, кто-то другой. В семнадцать лет ей казалось, что каждый цветок, каждое письмо и каждая случайная встреча обязательно должны что-нибудь значить.

Теперь она даже не помнила, откуда взялся этот. Валентина аккуратно сложила фотографии обратно. Но тетрадь в коробку не убрала. Принесла её в спальню и положила в ящик прикроватной тумбочки.

Сергей спал. Она легла рядом, укрылась запасным одеялом и закрыла глаза. Спать оставалось всего несколько часов.

Утром привезут Артёма. Нужно будет приготовить завтрак, сходить за молоком и решить, чем занять внука. Валентина повернулась на бок.

И тут ей вспомнилось, что в кладовке, кажется, до сих пор лежит старый чемодан. Тот самый, коричневый, с металлическими застёжками. Когда-то она складывала туда свои рисунки.

Может быть, они ещё там?

Она открыла глаза. Потом посмотрела на часы. Четыре семнадцать.

– Завтра, – прошептала она. И впервые за долгое время это слово означало не список домашних дел. Она это сказала о том, чего ей самой хотелось.